

BYZANTINO-TAURICA

2

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2024

BYZANTINOTAURICA

ISSN 2949-6136

BYZANTINOTAURICA

THE JOURNAL OF BYZANTINE AND MEDITERRANEAN STUDIES

2

ISSN 2949-6136

VOL. 2

2024

Sevastopol,Simferopol
2024

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВИЗАНТИНИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

BYZANTINOTAURICA

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.Оріанда издательство

Севастополь, Симферополь
2024

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4

Ежегодный журнал

Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований / Институт истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета; Национальный комитет византинистов Российской Федерации. — Севастополь, Симферополь: Н.Орiанда.

2024. Т. 2. — 2024. — 348 с., ил.

ISSN 2949–6136

Во втором томе журнала представлены работы, посвященные различным аспектам истории и культуры Византии, Причерноморья, Средиземноморья, Кавказа и Руси в позднеантичный и средневековый период. Опубликованы статьи по всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки. Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Крыма, Причерноморья и Византии.

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4

ISSN 2949–6136
9 772949 613009 >

© Институт истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© «Н.Орiанда», макет, 2024

Редакционная коллегия

Сергей Павлович Карпов (ответственный редактор) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; руководитель Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Николай Николаевич Болгов — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского национального исследовательского университета; старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях»;

Сергей Геннадиевич Бочаров — кандидат исторических наук, доцент, директор НОЦ «Археологические исследования»; ведущий научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Михаил Вячеславович Грацианский — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Татьяна Викторовна Кущ — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета (Екатеринбург); главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Юрий Миронович Могаричев — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН;

Константин Александрович Панченко — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Александр Васильевич Подосинов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древних языков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Николай Игоревич Быстрицкий (ответственный секретарь) — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ло-

моносова; старший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета.

Редакционный совет

Михаил Дмитриевич Бухарин — академик РАН; главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Николай Николаевич Крадин — академик РАН; директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН;

Андреа Нанетти — профессор; Венецианский институт наук, словесности и искусств (Венеция); Наньянский технологический университет (Сингапур);

Владимир Дмитриевич Нечаев — доктор политических наук; ректор Севастопольского государственного университета (Севастополь);

Михаил Борисович Пиотровский — академик РАН; генеральный директор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);

Ирина Федоровна Попова — член-корреспондент РАН; директор Института восточных рукописей (Санкт-Петербург);

Славенко Терзич — действительный член Сербской Академии Наук (Белград).

Editorial Board
Editors

Sergey Karpov (Editor-in-Chief) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University; Head of the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University;

Nikolay Bolgov — Doctor of Sciences (History), Professor, the Chair for Universal History of Belgorod State University; Senior Researcher of the Centre for Digital Technologies in Historical and Archaeological Research of Sevastopol State University;

Sergey Bocharov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Director of the Archaeological Research Centre of Sevastopol State University; Leading Researcher of the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University;

Mikhail Gratsianskiy — PhD, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Moscow State University and the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University;

Tatiana Kushch — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Ancient and Medieval History Department of Ural Federal University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Yuriy Mogarichev — Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Humanity and Social Science of the Crimean Republican Institute for Post-Graduate Pedagogical Education;

Constantin Panchenko — Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Near and Middle Eastern History of the Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University;

Alexander Podosinov — Doctor of Sciences (History), Professor, the Head of the Department for Ancient Languages of Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Nikolay Bystritskiy (Editorial Secretary) — Candidate of Sciences (History); Senior Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Moscow State University and the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University.

Editorial Advisory Board

Mikhail Bukharin — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Sergey Kradin — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences;

Andrea Nanetti — Professor; Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti (Venice); Nanyang Technological University (Singapore);

Vladimir Nechaev — Doctor of Political Sciences; Rector of Sevastopol State University;

Mikhail Piotrovsky — Full Member of the Russian Academy of Sciences; General Director of the State Hermitage (Saint-Petersburg);

Irina Popova — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg);

Slavenko Terzić — Full Member of the Serbian Academy of Sciences (Belgrade).

Содержание

Восток и Запад: евразийское измерение в Средние века

И.Ф. Попова (Санкт-Петербург)
Установление первых прямых контактов Китая с Европой (XIII век)... 13

Восток и Запад Средиземноморья в позднеантичный и средневизантийский периоды

Н.Н. Болгов, Е.П. Славогородская, А.М. Болгова (Белгород)
Интеллектуалы римской и ранневизантийской Ликии..... 21
Е.В. Литовченко (Белгород)
«Я избегаю длинных путешествий»: деловые и частные поездки в поздней Античности (по эпистолярию Квинта Аврелия Симмаха).... 36
М.В. Грацианский (Москва)
Церковный мир 433 г. и римская кафедра..... 46
Н.А. Гудков (Белгород)
Узурпация Флавия Иоанна 423–425 гг. в контексте взаимоотношений восточноримского и западноримского двора. 71
В.В. Прудников (Москва)
Норманны, тюрки-сельджуки и римляне на перекрестках традиций в хрониках итало-норманнских авторов конца XI в..... 81

Таврика в византийский и генуэзский периоды: история и археология

С.Б. Адаксина, В.Л. Мыц (Санкт-Петербург)
Храм святых апостолов Петра и Павла в Партените — византийский памятник X–XI вв., периода Македонского возрождения..... 95
В.П. Кирилко (Симферополь)
Полы в средневековых храмах Южнобережного Крыма..... 137
А.А. Роменский (Севастополь)
Ромеи и «обитатели Севера»: идентичность и этнокультурные контакты в византийской Юго-Западной Таврике..... 172
П.В. Кузенков, Ю.М. Могаричев (Севастополь, Симферополь)
Католические миссии в Горной Юго-Западной Таврике во второй половине XIII в.: к постановке проблемы..... 195
Н.П. Турова (Симферополь)
Казалии Готии второй половины XIV–XV вв.: материалы к археологической карте муниципального округа Ялта 217

Византийская зона влияния:
исторические и археологические аспекты истории Руси и Кавказа

Ш.М. Хапизов (Махачкала)
Царство Сарир («Авар») в X–XIII вв. — независимое государство или вассал государства ромеев? (К вопросу о границах и внешнеполитической ориентации)..... 271
С.В. Шполянский (Москва)
Металлические накладки с растительным декором в материальной культуре Московской Руси во второй половине XIV–XV вв.: археологический контекст и восточно-средиземноморские влияния..... 288

Цифровые методы в исторической науке: теория и практика

Н.И. Быстрицкий (Москва)
Применение искусственного интеллекта для развития исторического знания: перспективы и ограничения 303
Э.Н. Карнаушенко (Севастополь)
Мозаика северной пристройки херсонесской Базилики в базилике: символика, композиция, реконструкция 317

Рецензия

А.А. Роменский (Севастополь)
Хронология и территория Руси X в.: спорные вопросы. Рецензия на книгу: Щавелев А.С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 гг.). М.: Аквилон, 2020. 560 с. 328

Contents

East and West: The Eurasian Dimension in the Middle Ages

Irina F. Popova (Saint-Petersburg)
The Rise of the First Direct Contacts Between China and Europe (13th C.) 13

East and West of the Mediterranean in the Late Antique and Middle Byzantine Periods

Nikolay N. Bolgov, Ekaterina P. Slavogorodskaya, Anna M. Bolgova (Belgorod)
Intellectuals of Roman and Early Byzantine Lycia 21
Elena V. Litovchenko (Belgorod)
"I Avoid Long Journeys": Business and Private Travel in Late Antiquity (from the Epistolary of Quintus Aurelius Symmachus) 36
Mikhail V. Gratsianskiy (Moscow)
The Church Peace of 433 and the Roman See 46
Nikita A. Gudkov (Belgorod)
The Usurpation of Flavius John 423–425 in the Context of Relations between the Eastern and Western Roman Courts 71
Vitaliy V. Prudnikov (Moscow)
Normans, Seljuk Turks and Romans at the Crossroads of Traditions in the Chronicles of Italo-Norman Authors of the End of the 11th Century 81

Taurica in the Byzantine and Genoese Periods: History and Archaeology

Svetlana B. Adaksina, Victor L. Myts (Saint-Petersburg)
A Byzantine Monument of the 10th–11th Centuries, the Period of the Macedonian Renaissance 95
Vladimir P. Kirilko (Simferopol)
Floors in Medieval Churches of South Coast of Crimea 137
Alexandr A. Romensky (Sevastopol)
Romans and "The Residents of the North": Identity and Ethnocultural Contacts in the Byzantine South-Western Taurica 172
Pavel V. Kuzenkov (Sevastopol), **Yuriy M. Mogarichev** (Simferopol)
Catholic Missions in the Mountainous South-Western Taurica in the 2nd Half of the 13th Century: Towards the Formulation of the Problem 195
Natalia P. Turova (Simferopol)
Casalia of Gothia in the Second Half of the 14th–15th Centuries: Materials for the Archaeological Map of the Yalta Municipal District 217

Byzantine Zone of Influence:
Historical and Archaeological Aspects of the History of Rus' and the Caucasus

Shahban M. Khapizov (Mahachkala)
The Kingdom of Sarir ("Avar") in the 10th–13th Centuries: An Independent State or a Vassal of the State of the Romans? (The Issue of Borders and Foreign Policy Orientation Revisited) 271
Sergey V. Shpolyanskiy (Moscow)
Metal Overlays with Floral Decoration in the Material Culture of Moscow Russia in the Second Half of the 14th–15th Centuries: Archaeological Context and Eastern Mediterranean Influences 288

Digital Methods in Historical Science: Theory and Practice

Nikolay I. Bystritskiy (Moscow)
Application of Artificial Intelligence for the Development of Historical Knowledge: Prospects and Limitations 303
Ella N. Karnaushenko (Sevastopol)
Mosaic of the Northern Extension of the Chersonesos 'Basilica in the basilica': Symbolism, Composition, Reconstruction 317

Review

Alexandr A. Romensky (Sevastopol)
Chronology and Territory of Rus' in the 10th Century: Controversial Issues. Book review: Shchavelev, A.S. Chronotop derzhavy Riurikovichei (911–987). Moscow: Aquilon, 2020. 560 p. 328

BYZANTINOTAURICA
Журнал византийских и средиземноморских исследований
ISSN 2949–6136
2024. Т. 2
С. 137–171

BYZANTINOTAURICA
The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies
ISSN 2949–6136
Vol. 2: 2024
P. 137–171

Научная статья

Полы в средневековых храмах Южнобережного Крыма

Владимир Петрович Кирилко

Кандидат исторических наук; старший научный сотрудник; Институт археологии Крыма РАН; проспект Академика В.И. Вернадского, д. 2, 295007 Симферополь; vladimirkirilko.33@gmail.com

Аннотация: В церковном зодчестве Южнобережного Крыма представлены все основные виды полов, которые известны в других регионах полуострова и за его пределами: земляные, каменные, керамические, мозаичные и деревянные. В большинстве своем они являются характерными для интерьеров местных храмов, датируемых X–XV вв. Неординарность отдельных из них во многом обуславливалась геологическим строением территории, которое позволяло ощутимо разнообразить сырьевую базу напольных покрытий и определяло структуру основания, равно как архитектоникой самих зданий, также оказывавшей влияние на выбор мастера. Мозаичные настилы, принадлежавшие Партенитской базилике (конец X в.) и храму на скале Панеа (не ранее X в.), по праву могут считаться уникальными произведениями декоративного искусства.

Ключевые слова: средневековая архитектура, декоративное искусство, интерьер храма, мозаика, смальта, полевой шпат, кальцит, *opus tesselatum, opus sectile*

Цитирование: *Кирилко В.П.* Полы в средневековых храмах Южнобережного Крыма // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2024. Т. 2. С. 137–171.

© Кирилко В.П., 2024

Original article

Floors in Medieval Churches of South Coast of Crimea

Vladimir P. Kirilko[1]

[1] Candidate of Sciences (History); Senior Researcher; Institute of Archeology of the Crimea of RAS; 2, Academician Vernadsky Ave, 2950071 Simferopol, Russian Federation; vladimirkirilko.33@gmail.com

Abstract: The church architecture of South Coast Crimea included all main types of floors known in other regions of the peninsula and beyond: earthen, stone, ceramic, mosaic and wooden. Most of them are typical for the interiors of local churches dating back to the 10th–15th centuries. The uniqueness of some of them was largely determined by the geological structure of the territory, which allowed to diversity of the raw material base for floor coverings and determined the structure of the foundation, as well as the architectonics of the buildings themselves, which also influenced the choice of the master. The mosaic floors that belonged to the Partenit Basilica (late 10th century) and the temple on the Panea rock (not earlier than the 10th century) can rightfully be considered unique works of decorative art.

Keywords: medieval architecture, decorative art, temple interior, mosaic, smalt, feldspar, calcite, *opus tesselatum, opus sectile.*

For citation: Kirilko, V.P. "Floors in Medieval Churches of South Coast of Crimea." *Byzantinotaurica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 137–171 (in Russian).

Представление о полах южнобережных церквей, которое сложилось к настоящему времени у исследователей средневекового зодчества Крыма, вряд ли можно считать удовлетворительным[1]. В частности, что касается его содержательности, показательным и во многом симптоматичным является результат сравнительного анализа одного из самых распространенных типов культовых построек, полученный недавно К.С. Кирпилевым при сопоставлении архитектуры двух соседних регионов полуострова: «В однонефных храмах Херсона пол был вымощен плитами известняка, иногда — мрамора, или плинфой, в то же время, на Южном берегу открыты храмы, в которых пол покрывали сланцем, песчаником, плитами диабазового порфирита, бутовым камнем; иногда в обоих районах встре-

[1] *Кирилко В.П.* Полы средневековых храмов Южнобережного Крыма // Byzantinotaurica IV: Крым и Северное Причерноморье в системе мировых цивилизаций. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 14–18 ноября 2024 г. / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, С.Г. Бочарова. Симферополь: Н.Оріанда, 2024. С. 81–85.

© Kirilko, V.P., 2024

чаются варианты с земляными полами»[2]. Цитируемая выборка выглядит случайной, что, учитывая очевидную априорность самого посыла, красноречиво свидетельствует о серьезной системной проблеме, обусловленной отсутствием специальных исследований по теме и ограниченным информационным потенциалом источниковой базы.

Реальная ситуация была несколько иной, хотя бы потому, что в декоративном убранстве южнобережных церквей Крыма применялись такие изысканные напольные покрытия, как мозаики. Они известны по меньшей мере на двух средневековых постройках, находившихся в разных местах региона: в Симеизе и Партените. Еще одно, связанное с Ялтой, относится к числу небесспорных, ибо имеет сомнительное происхождение.

Первое удалось обнаружить в 1966 г. при археологическом изучении укрепления X–XV вв., располагавшегося на скале Панеа. Там, на нижней площадке возвышенности, Е.А. Паршина, исследовавшая памятник под руководством и при непосредственном участии О.И. Домбровского, раскопала «основания трех храмов, построенных каждый на развалинах предыдущего», а также их полы[3]. *In situ* был найден крупный кусок мозаики (рис. 1–6), принадлежавшей самому раннему зданию, — прямоугольной в плане однонефной церкви с полукруглой внутри и пятигранной снаружи апсидой. Он занимал центральную часть наоса, примыкал к южной стене. Его размеры — 3 × 1,5 м.

---

[2] *Кирпилёв К.С.* Сравнительный анализ малых однонефных храмов Херсона и южнобережной Таврики X–XV вв. // IV Свято-Владимирские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 1035-летию Крещения Руси / Ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: АРИАЛ, 2023. С. 65–67 (здесь: С. 66).

[3] См.: *Паршина Е.А.* Разведки на скале Панеа (Симеиз) в 1966 г. Полевые материалы (дневник, чертежи). Симферополь, 1966 / Научный архив ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 1475; *Домбровский О.И.* Из археологических исследований на Южном берегу Крыма (1965–1966 гг.) // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. / Отв. ред. П.П. Толочко. Вып. 1. Киев: Наукова думка, 1967. С. 180–183 (здесь: С. 182–183); *Домбровский О.И.* Сводный отчет о работе Южнобережного отряда Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР в 1965–68 гг. // Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г. — Симферополь, 1970 / Научный архив ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 911. Л. 1–45 (здесь: Л. 16–17); *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев, Наукова думка, 1974. С. 5–56 (здесь: С. 28–29. Рис. 17, 18); *Кирилко В.П.* Архітектура, мозаїки та монументальний живопис // Історія української культури: В 5 т. / Гол. ред. П.П. Толочко. Т. 1 (Історія культури давнього населення України). Київ: Наукова думка, 2001. С. 1078–1099 (здесь: С. 1093); *Турова Н.* Византийские храмы Южного берега Крыма в границах муниципального образования городской округ Ялта РК. Каталог-справочник. Симферополь: Н.Оріанда, 2023. С. 206–209; *Кирилко В.П.* Храмы Панеа // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XVI Международный Византийский Семинар (Севастополь, 24–28 мая 2024 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: АРИАЛ, 2024. С. 137–144.

Посередине уцелевшего фрагмента находится изображение большого каннелированного канфара в окружении виноградной лозы, вероятно, из него же произраставшей, и двух предстоящих с боков павлинов. Панно обрамлено ленточным орнаментом, а именно плетёнкой в виде чередующихся круглых и овальных петель с медальонами, к которой снаружи примыкал широкий бордюр с геометрическим узором. Композиция дополнена фигурками разных мелких птиц, растительными побегами, стилизованными листьями, цветами и гроздями ягод. По отношению к сосуду и его антуражу павлины расположены асимметрично, немного отличаясь друг от друга величиной и формой, что придает изображению определенную неординарность. Сам сюжет является традиционным для византийского искусства, будучи представлен, в частности, несколькими вариантами в декоративном убранстве херсонесских церквей[4]. Он имеет символическое значение, воплощая извечную и близкую сердцу каждого верующего надежду на возрождение и бессмертие души, соотносимую с важнейшим для христиан таинством — преисполненным Божьей благодати причастием.

Напольное покрытие выполнено в технике *opus tesselatum*. Тессеры маленькие, располагаются плотно рядами, образуя контуры и фон изображения. Наряду с кусочками натуральных материалов — преимущественно плотных желтых, красных и серых метаморфизированных известняков, характерных для окрестностей современных Балаклавы и Севастополя, а также непрочного черного песчаника и, изредка, привозного белого мрамора, — местами компактно применяется разноцветная смальта: голубая, синяя, зеленая, лимонно-желтая и позолоченная. О.И. Домбровский обоснованно считает, что исполнитель мозаичного пола прибыл из Херсонеса со всеми необходимыми заготовками. Раствор субструкции — цемяночный, в верхней части слоя имеет интенсивно розовый цвет. Низ основы состоит из «круглых мелких камней (крупнее кулачника), уложенных насухо» непосредственно на поверхность предварительно выровненной строительной площадки, которая отмечена натёками извести и щебнем (Рис. 3–5)[5]. В двух местах напольного покрытия, на изображении канфара (Рис. 5, 7), четко видны следы ямочного ремонта. Они представляют собой небольшие заплаты из хаотично расположенных и иначе окрашенных тессер.

---

[4] См.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. [Материалы и исследования по археологии СССР. № 63]. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 238–246. Рис. 125–130; *Домбровский О.И.* Византийские мозаики Херсонеса Таврического / Под ред. А.Б. Бернацки, В.А. Кутайсова. [Architektura wczesnobizantyjskich budowli sakralnych Chersonezu Taurydzkiego. T. III]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. С. 74–77, 106.

[5] *Паршина Е.А.* Разведки на скале Панеа... Л. 21 об.

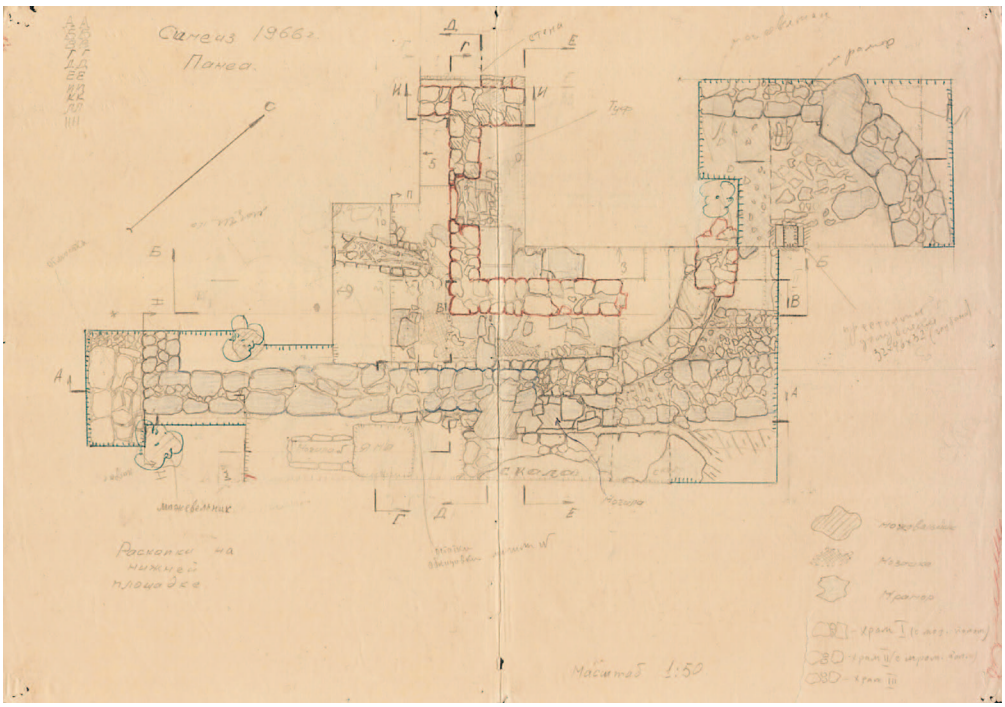

Рис. 1. Средневековые храмы Панеа. План раскопа. Обмер 1966 г. (по: *Кирилко В.П.* Архитектурные миграции... Рис. 11)

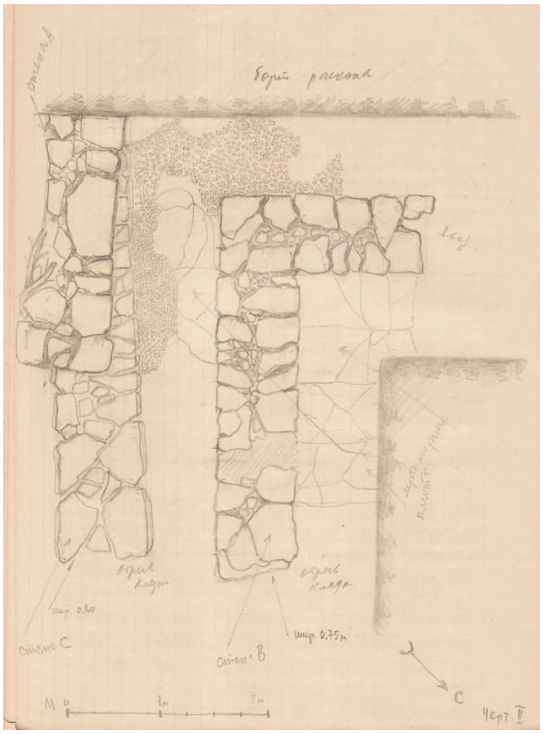

Рис. 2. Полы и кладки храмов Панеа. План. Обмер 1966 г. (по: *Паршина Е.А.* Разведки на скале Панеа... Л. 4 об.)

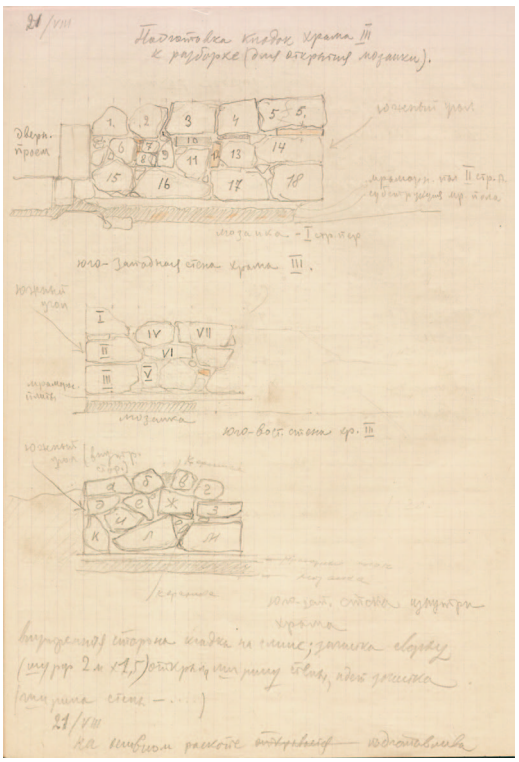

Рис. 3. Полы храмов Панеа. Разрезы. Кроки 1966 г. (по: *Паршина Е.А.* Разведки на скале Панеа... Л. 14 об.)

Рис. 4. Панеа. Мозаика в процессе раскопок. Вид с юго-запада. Фото 1966 г. (по: Отчет об археологических исследованиях... Фото 18, а)

Рис. 5. Панеа. Мозаика в храме X в. Состояние перед снятием и переводом на бетонное основание. Общий вид сверху. Фото 1966 г. (по: Отчет об археологических исследованиях... Фото 17)

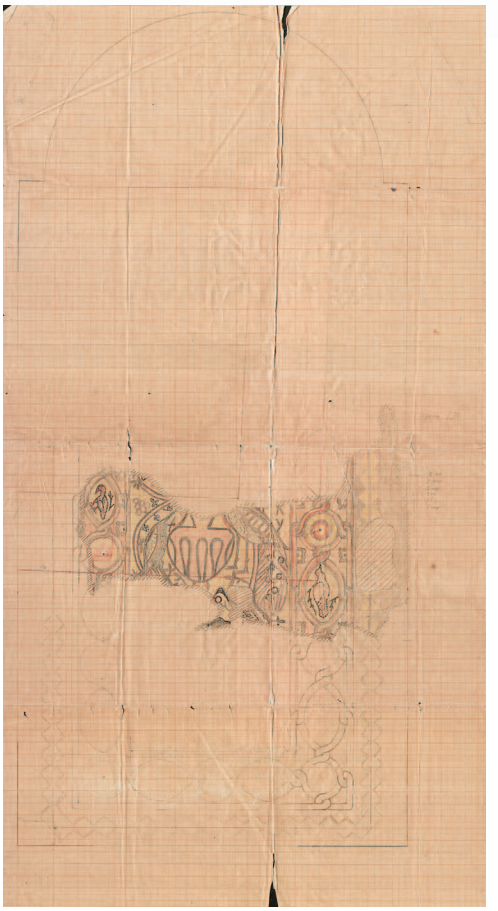

Рис. 6. Панеа. Мозаика в храме X в. 1966 г. Зарисовка В.В. Кузьминова (по: *Паршина Е.А.* Разведки на скале Панеа... Черт. 8)

Мастер виртуозно владеет природной палитрой. Удачное сочетание каменных материалов, обладающих немного приглушенным цветом с нежными оттенками разной тональности, и насыщенного керамической крошкой грунта в швах придает мозаике приятный пастельный колорит (Рис. 7–9). Фон основной части пола — кремовый с желтизной, на отдельных местах внутри орнаментального обрамления он розоватый. Результат достигается использованием двух соответственно окрашенных пород мраморовидного известняка. Контуры и детализация изображений канфара, павлинов, растительных элементов и плетёнки выполнены серо-оливковыми кусочками песчаника. Обращает на себя внимание то, что мастер учитывает физические свойства последнего, а именно, его анизотропию, и часто располагает четко выраженные слои камня перпендикулярно к основанию. Тем самым он не только предотвратил вероятность нечаянного скалывания и утраты лицевой поверхности тессер при эксплуатации покрытия, но также эффективно задействовал в художественных целях бороздчатую фактуру граней, выставленных горизонтально. Подобным образом, благодаря многочисленным темным прожилкам, красный метаморфизированный известняк также обогащает мозаичную палитру, придавая ей дополнительные выразительные возможности. Цвет сосуда розово-кремовый с локальными желтоватыми вставками, посредством которых выделено горло и слегка обозначен объем рельефных частей корпуса. Аналогично окрашены лоза и гроздь винограда. При изображении гладкого жгута плетёнки равномерно комбинируются обе разновидности камня. Геометрический орнамент бордюра, представлявшего собой зубчатую дорожку с узкой лентой посередине, набран из кусочков желтого и серого мраморовидных известняков, хорошо сочетающихся друг с другом.

Благодаря цельности колорита, достигаемой исключительной взаимодополняемостью натуральных компонентов, цветовая гамма напольного покрытия является тонально выдержанной, относительно спокойной и предельно гармоничной. На общем фоне ощутимо выделяются, причем не нарушая органичности восприятия всего произведения, лишь те места, где применяется смальта, придававшая мозаике яркость и живописность. Наиболее тщательно мастером проработаны изображения павлинов, которые наглядно демонстрируют его наблюдательность и определенные анатомические знания, равно как умелое владение доступной ему палитрой, равноценно представленной здесь естественными и искусственными материалами. При выкладке контуров обеих фигур серо-оливковыми кубиками песчаника особое внимание им уделено физическим формам птиц, имеющих крепкое телосложение и мощные ноги со шпорами. Одновременно тем же камнем он четко выделил крылья и характерную для них полосатую окраску перьев. Светлые участки последних набраны

Рис. 7. Центральная часть фрагмента мозаики из храма на скале Панеа. Вид сверху. Фото 2014 г. *Снимок автора*

Рис. 8. Правая сторона фрагмента мозаики из храма на скале Панеа. Вид сверху. Фото 2014 г. *Снимок автора*

Рис. 9. Левая сторона фрагмента мозаики из храма на скале Панеа. Вид сверху. Фото 2014 г. *Снимок автора*

кусочками желтого и красного мраморовидных известняков, из которых первые отмечены везде и количественно преобладают, а вторые располагаются лишь вдоль верхнего края, придавая изображению объемность. При этом яркое оперение грудки и спины выполнено уже смальтой, преимущественно синей и зеленой разных оттенков, что позволило достаточно правдоподобно воспроизвести цвета и их раскладку, реально существующие в живой природе. Предмет особой гордости любого павлина — длинное роскошное надхвостье — уцелело только у правой фигуры. Оно изображено немного утрировано, как одно раздваивающееся на конце большое перо, украшенное многочисленными (семью) глазками специфической формы и расцветки. Его стержень белесый с желтоватым завершением. Бородки опахала представлены в виде чередующихся разноцветных полос, набраны из расположенных рядами кубиков серо-оливкового песчаника и красного мраморовидного известняка. Отсутствие сплошного контура придает оперению надхвостья эффект прозрачности на краях. Пресловутые павлиньи глазки выглядят как округлые сине-зеленые пятна с концентрическим расположением тессер кольцами, имели ободок из сияющей золотом смальты. Первоначальный вид последней со временем существенно изменился. Ее кантарель стала мутной и сильно потемнела, а в отдельных случаях вообще полностью исчезла вместе с драгоценной металлической прокладкой, обнажив пастовую основу. Применение позолоченных внутри стеклянных кубиков наблюдается, либо предполагается, также на других местах мозаики, что позволило ощутимо усилить выразительность изображений, равно как и превратить напольное покрытие в нарядный каменный ковер, чарующе мерцающий при любом освещении.

Верхние части обоих павлинов не сохранились, но, судя по фрагментарно уцелевшей фигуре птички у ножки канфара, они, учитывая их соразмерность, могли быть выполнены мастерски. Голова птички имеет изящный профиль и тщательно проработанные детали, выделенные разными натуральными камешками и смальтой: слегка изогнутый розовый клюв и такого же цвета шапочку, круглый глаз с темным зрачком и белым ободком, синеватое с золотыми блестками оперение. Для сравнения, изображения птиц на овальных медальонах плетёнки мельче и отличаются более упрощенными формами. Однако даже в этом случае одна из них, находившаяся справа от панно (Рис. 8), благодаря характерным признакам — выразительному хохолку, сине-зеленому оперению и глазку надхвостья — уверенно может быть идентифицирована как павлин. Сама фигура практически полностью набрана смальтой, а в качестве антуража сверху и снизу она дополнена изящными веточками. Круглые петли плетёнки внутри украшены дисками с концентрическим расположением разноцветных кусочков натурального камня, образующих кольца: по внешнему обводу

и в центре — черного песчаника, между ними — красного и желтого известняков, белого мрамора.

Поскольку раскопки храма остались незавершенными (Рис. 1), на данном этапе изучения памятника возможна лишь частичная реконструкция мозаики. Причем ее первая попытка была предпринята уже непосредственно в ходе полевых работ при графической фиксации результатов исследований и получила свое отражение на обмерном чертеже (Рис. 6). Учитывая расположение изображения с канфаром и павлинами в центре наоса, равно как другие известные примеры подобных сюжетов, есть основание предполагать, что панно имело квадратную форму. В этом случае сверху и снизу оно вполне могло быть дополнено иными самостоятельными композициями, вероятнее всего, сетчатым орнаментом с геометрическим узором.

По мнению автора раскопок, с учетом археологических данных мозаику можно отнести к «X веку или к более позднему времени», а самыми близкими аналогиями ей являются напольные покрытия двух херсонесских храмов — Четырехапсидного и Загородного крестообразного, датируемые не ранее, соответственно, VII и XII–XIII вв.[6] Что касается первой параллели, согласно наблюдениям О.И. Домбровского, с симеизской находкой она сопоставима свободной компоновкой изображения и вольной трактовкой сюжета, нарушающими принцип строгой симметрии, равно как и применением смальты наряду с натуральным камнем, причем обе, «каждая на свой лад», могут считаться реминисценциями североафриканских позднеантичных и раннесредневековых образцов. Тождество второго примера проявляется в обрамлявшей панно плетёнке, характерная форма и медальоны которой в определенной мере сравнимы также с орнаментикой пола т. н. Базилики в базилике и тяготеют к ближневосточной художественной традиции. Вместе с тем абсолютного сходства с мозаикой Панеа ни одна из упомянутых аналогий не имеет, что позволяет отнести оную к числу самобытных произведений местного декоративного искусства. По мнению О.И. Домбровского, важнейшим хронологическим маркером напольного покрытия служит его субструкция, технологические особенности которой весомо свидетельствуют в пользу того, что оно было выполнено не ранее X в.[7] Выводы исследователя косвенно подтверждаются также пятигранной формой апсиды. Ее внешние очертания в плане представляют собой часть правильного двенадцатиугольника, что на других крымских постройках начинает применяться лишь после X–XI вв.[8]

Вторая южнобережная мозаика принадлежала монастырской церкви Святых апостолов Петра и Павла в Партените — прямоугольной в плане

---

[6] *Домбровский О.И.* Византийские мозаики... С. 25, 79–84, 97.

[7] Там же. С. 42–43, 62–64, 77, 93.

[8] *Лосицький Ю.Г.* До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. 1990. № 2. С. 33–47 (здесь: С. 36–37).

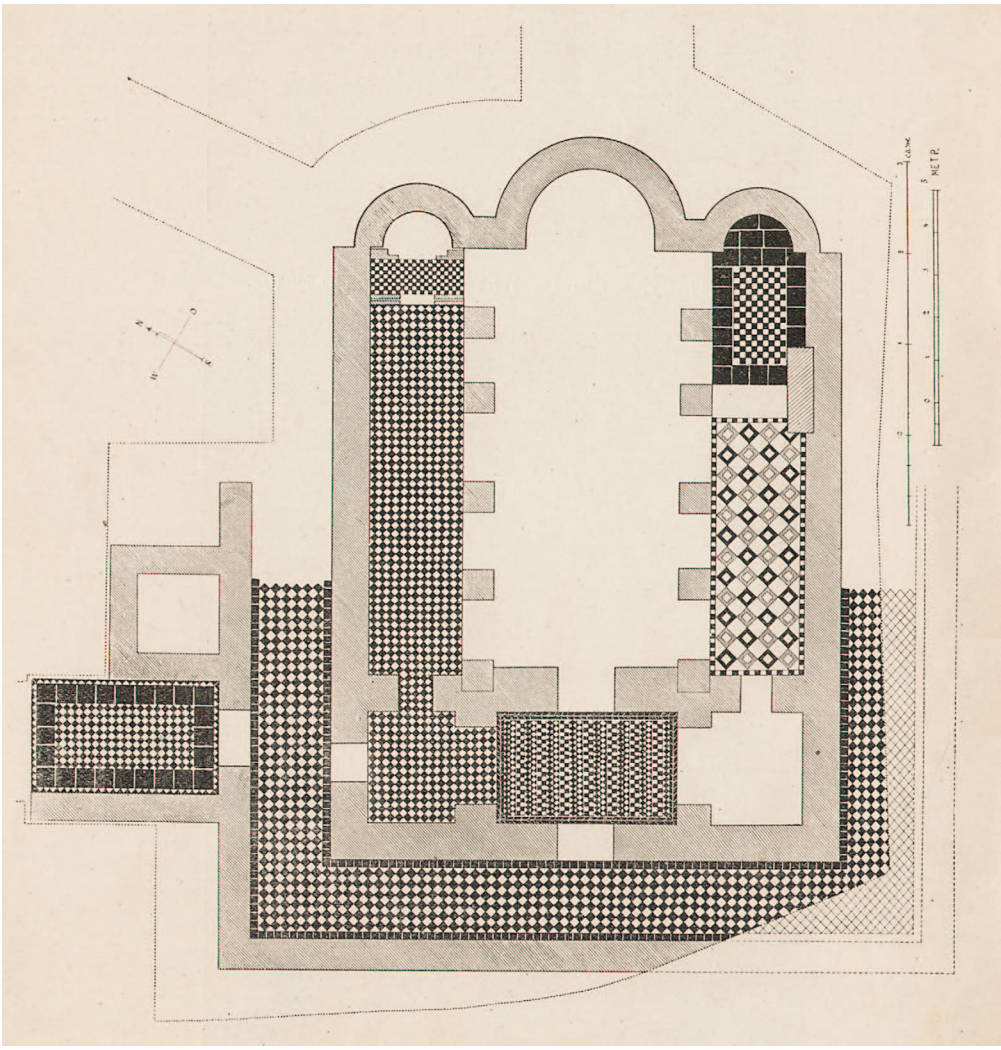

Рис. 10. Мозаичные полы Партенитской базилики. План (по: *Репников Н.И.* Партенитская базилика... Рис. 13)

трехнефной базилике с тремя полукруглыми апсидами, трехчастным нартексом и галереей, окружавшей постройку с боков и спереди[9]. Она украшала основные компартименты здания и еще совсем недавно имела относительно неплохую сохранность (Рис. 10–13), а свою известность

[9] *Кирилко В.П.* Базилики Южнобережного Крыма // Христианство в археологических и письменных источниках: Материалы X Международной научной конференции по церковной археологии, посвященной 160-летию Д.В. Айналова / Ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайринова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 134–137 (здесь: С. 134. Рис. 1, 1).

Рис. 11. Партенитская базилика. Вымостка галереи у главной двери. Вид с северо-запада. 1907 г. *(Российский этнографический музей. Id: 21357320)*

Рис. 12. Партенитская базилика. Вымостка средней части нартекса. Вид с северо-запада. 1907 г. *(Российский этнографический музей. Id: 21357196)*

приобрела благодаря раскопкам Д.М. Струкова 1871 г. и Н.И. Репникова 1907 г.[10] Важные сведения о ней были получены также при археологическом изучении памятника, предпринятом в 1998–2001 гг. С.Б. Адаксиной и В.Л. Мыцом[11]. Ее искусствоведческий анализ и критическая оценка работ предшественников содержатся в научных трудах Л.Г. Хрушковой, посвященных специальному рассмотрению подобных декоративных настилов. Причем само произведение исследовательницей определено как «богатый пол сельской базилики Партенита»[12], что несколько некорректно по отношению к далеко не рядовой и, более того, монастырской постройке портового города.

Напольное покрытие храма выполнено в технике *opus sectile*, представлено различными сетчатыми орнаментами с геометрическим рисунком, набранными из керамических и каменных плиток квадратной, треугольной и ромбовидной форм, а также кристаллов прозрачного кальцита, более известного как полевой шпат. Почти везде, кроме центральной части нартекса, мозаичный узор имеет вид шахматной клетки, располагавшейся по отношению к стенам либо под углом 45°, либо параллельно им (Рис. 10). Причем первый вариант преобладает, второй отмечен только в двух местах перед купелью и в южном пастофории. Сами композиции практически не повторяются. Друг от друга они отличаются главным образом материалом и величиной деталей, а также наличием или отсутствием обрамления и его формой. Например, галерея на всем протяжении попеременно вымощена одинаковыми плитками из хорошо обожженной глины, которыми набран также сплошной бордюр, и крупными кусками кальцита (Рис. 11). Размеры плинфы — 19 × 19 × 4 см. Немного иначе выглядит мозаика северного нефа, где шахматная клетка получена посредством сочетания тех же самых, но чуть более мелких элементов, полностью заполнявших всю поверхность пола, без выделения рамки. Здесь величина керамических изделий сократилась до 15 × 15 × 3 см, соответственно уменьшились и ячейки, занятые кристаллами шпата. Сохраняя конфигурацию, этот узор продолжается и на соседнем участке, в северном компартименте

---

[10] *Репников Н.* Партенитская базилика // Известия Императорской археологической комиссии. 1909. Вып. 32. С. 91–140 (здесь: С. 93, 99–103. Рис. 13, 17–24).

[11] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) // Христианский Восток. Т. 6 (XII). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; Москва: «Индрик», 2013. С. 401–503 (здесь: С. 411, 414, 419–420, 427–433, 455–448, 453–458, 501. Рис. 11, 12).

[12] *Хрушкова Л.Г.* Полы opus sectile в Восточном Причерноморье, Крыму, Киеве: византийский контекст // Труды Государственного Эрмитажа. 2012. № 65. С. 34–59 (здесь: С. 45–48. Ил. 11); *Хрушкова Л.Г.* Базилика в Партенитах (Южный Крым): мог ли быть в ней похоронен епископ Иоанн Готский? // Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.) / Отв. ред. Т.Ю. Яшаева. Севастополь: Телескоп, 2013. С. 384–408 (здесь: С. 385–388, 390–391).

нартекса, однако там кусочки кальцита уступают свое место каменным плиткам квадратной и треугольной (по краям) формы, соразмерным с плинфой. По мнению Н.И. Репникова, они выполнены из песчаника[13]. Согласно данным С.Б. Адаксиной и В.Л. Мыца, использовался мергель и песчаник, благодаря чему «чередование ярко-красного и бело-желтого тонов создавало эффект строгого двухцветного, но очень контрастного коврового покрытия»[14].

В декоративном убранстве т. н. портика применяется плинфа разной величины — 49,5 × 49,5 × 5 и 16 × 16 × 3 см (Рис. 10). Первой выложен бордюр, второй в сочетании с кристаллами известкового шпата набрана основная часть мозаики. Н.И. Репников сообщает, что кромка напольного покрытия имела вид сплошной узкой ленты, которая состояла из двухцветных треугольных плиток размером 8 × 10 × 3 см и украшала помещение по всему периметру[15]. Вместе с тем, раскопками 1998–2001 гг., немного обнажившими края композиции, ничего такого там не обнаружено, но отмечено использование деталей из песчаника и иное, отличавшееся большей шириной и структурой, обрамление с северной стороны[16].

Подобным образом, с использованием разновеликой плинфы и полевого шпата, вымощен пол в южном пастофории храма, причем здесь шахматный узор расположен параллельно стенам здания (рис. 10). Крупная керамическая плитка применяется для выкладки бордюра и площадки внутри апсиды, а более мелкой, чередующейся с кристаллами минерала, выполнена остальная часть покрытия. Их размеры — 48 × 48 × 4 и 15 × 15 × 3 см. Мозаика второй половины нефа сильно повреждена временем и ремонтами, но, несмотря на значительные утраты первоначального облика, поддается достоверной реконструкции. По мнению Н.И. Репникова, она имела сетчатый орнамент в виде попеременно соприкасающихся друг с другом углами квадратных керамических рамок желтого и красного цветов, внутренние поверхности которых и промежутки между фигурами плотно заполнены кусками кальцита, а сама композиция была ограничена узким полосатым бордюром, замкнутым по периметру помещения[17].

Вывод исследователя не бесспорен, ибо не подтверждается уцелевшими остатками настила[18]. Судя по материалам раскопок С.Б. Адаксиной

---

[13] *Репников Н.* Партенитская базилика... С. 102. Рис. 20, 21.

[14] *Адаксина С.Б.*, *Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 423, 453–454.

[15] *Репников Н.* Партенитская базилика... С. 101–102. Рис. 13, 17.

[16] *Адаксина С.Б.*, *Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 457–458. Рис. 12.

[17] *Репников Н.* Партенитская базилика... С. 103. Рис. 13, 23.

[18] *Кирилко В.П.* Описание архитектурно-строительных остатков базилики // *Адаксина С.Б.*, *Кирилко В.П.*, *Мыц В.Л.* Отчет о полевых исследованиях Храма монастыря святых Апостолов Петра и Павла в Партените (т.н. Партенитская базилика) в 1998 г. СПб.; Симферополь, 1999 / НА ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 930. С. 24–33 (здесь: С. 29–30).

и В.Л. Мыца, существенно уточнивших результаты исследований предшественника, геометрический узор напольного покрытия представлял собой развернутую наискось прямоугольную сетку с почти квадратными ячейками, ширина которых колеблется в пределах от 29 до 38,5 см, вследствие чего часть из них приобрела немного вытянутую форму. Ленты орнамента и его обрамление набраны из расположенных в один ряд стандартных керамических плиток с размером верхней грани 6 × 7 см. Выделенные ими фигуры были плотно заполнены обломками полевого шпата. Бордюр сохранился только вдоль передней стены пастофория. Возможно, он обрамлял и остальные стороны помещения, но в проходах, где мозаика также продолжалась, и на стыке с каменным полом среднего нефа его не было[19].

Низ дверного проема, соединявшего южный пролет наоса с нартексом, целиком вымощен плинфой приблизительно одинаковой величины: 14 × 15 см, 15 × 14,5 см, 15,5 × 16 см, 15,5 × 15 см, 15 × 15 см, 16 × 15 см[20]. Напольное покрытие самого притвора здесь полностью исчезло и достоверной реконструкции не поддается (Рис. 10)[21]. По мнению А.В. Мыца, ничем, правда, не подтверждаемому, оно могло быть аналогичным настилу, который находился с противоположной стороны помещения, в его северном компартименте[22].

Мозаика средней части нартекса сохранилась фрагментарно (Рис. 12), сильно искажена ремонтом. Она была выполнена из желтой и красной керамической плитки разной формы, причем приблизительно одинаковой величины: квадратной — 5 × 5 × 3 см, ромбовидной — 8 × 8 × 3 см и треугольной — 5 × 3 × 3 см. Несмотря на утраты, Н.И. Репников считает, что реконструкция первоначального рисунка половой вымостки не представляет трудностей, и выделяет его основные составные части: «1) кайма из ромбов красной черепицы, сложенных в елочку, 2) ряд из поставленных в косом шахматном порядке квадратиков красной черепицы (промежутки заклинены треугольниками желтого цвета), 3) ряд тожественного рисунка, но с обратным чередованием цветов, 4) ряд чередующихся квадратов красного и желтого цветов, 5) такой же ряд с обратным чередованием цветов; потом повторялся ряд квадратов, поставленных в косом шахматном порядке и заклиненных треугольниками, и т. д.»[23]. Первая из них принадлежала бордюру, обрамлявшему пол компартимента по периметру. Остальные четыре орнаментальных ленты, по мнению Н.И. Репникова, вместе образуют раппорт, который, повторяясь еще шесть раз, трансфор-

[19] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 445–448. Рис. 5.
[20] Там же. С. 448. Рис. 5.
[21] *Репников Н.* Партенитская базилика... С. 103. Рис. 13.
[22] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... Рис. 11.
[23] *Репников Н.* Партенитская базилика... С. 102. Рис. 13.

мировался в достаточно нарядный керамический ковер с выдержанным в одном стиле геометрическим узором (Рис. 10). Тем временем напротив входа в нескольких местах уцелевшего фрагмента мозаики хорошо заметны какие-то прямоугольные участки настила с иной раскладкой плиток, неясного пока назначения и происхождения, но явно нарушающие ритм восстановленной композиции. Исследователем, вероятно, относившим их к числу ремонтных дополнений, они не учитываются.

С.Б. Адаксина и В.Л. Мыц считают, что у Н.И. Репникова мозаичная вымостка притвора реконструирована не совсем точно, и предлагают взамен свое виденье ее декоративного убранства: «Ромбовидные и треугольные плитки состыковывались между собой в два ряда, образуя узор в виде “елочки” и ломаного меандра. Этим орнаментом окаймлялась вся мозаичная композиция центральной части нартекса (5,12 × 2,56 м), заполненная небольшими прямоугольными двуцветными плитками, уложенными в шахматном порядке и образующими сеть ковровых полос. Разделение между ними осуществлялось все теми же двумя рядами треугольных керамических плиток. В целом, путем использования довольно простых средств, получался достаточно пестрый, создающий настроение парадности, рисунок»[24]. Вывод исследователей небезынтересен, но, не будучи должным образом представлен вербально и графически, к сожалению, является голословным. По крайней мере, в чем состоит недочет предшественника, они не сообщают.

Мелкая керамическая плитка компактно применяется еще в одном месте базилики — при выкладке площадки перед апсидой северного нефа, занятой купелью (Рис. 10). Она чередуется в обычном шахматном порядке с квадратами, составленными из маленьких кусочков полевого шпата. Ее размеры — 7 × 7 × 4 см[25]. Мозаика могла появиться при ремонте здания, поскольку примыкает к заложенному проему, который в свое время соединял этот пастофорий с вимой.

Особо выделяется декоративное убранство алтарной части церкви. Его остатки, впоследствии утраченные, были найдены *in situ* при раскопках 1871 г. В результате исследований тогда удалось установить, что «у места, где устраивается иконостас, пол выслан серым мрамором с темно-синими разводами»[26], который, судя по акварели Д.М. Струкова (Рис. 13), действительно имел такую расцветку и вполне мог быть проконнесским. Орнамент мозаики геометрический, сетчатого типа, набран из фигурных элементов двух видов. Основу композиции образуют равносторонние кресты с расширяющимися наружу ветвями. Они были цельными, имели

[24] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 453. Рис. 11.
[25] *Репников Н.* Партенитская базилика... С. 100–101, 102–103. Рис. 13, 16, 22.
[26] Там же. С. 93, 101, 103, 106. Рис. 31; *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 411, 419.

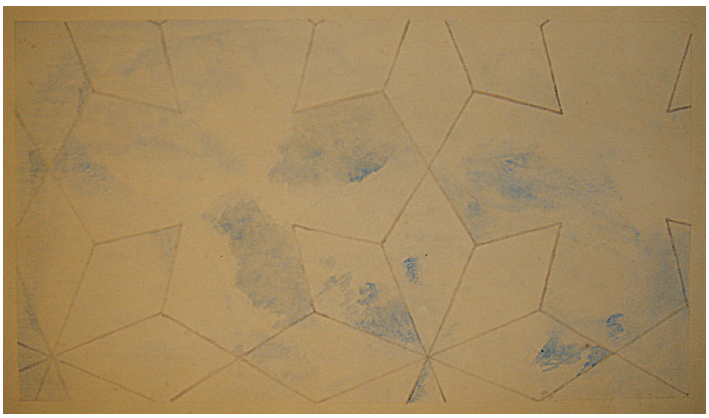

Рис. 13. Мраморный пол в алтарной части Партенитской базилики. 1871 г. Рисунок Д.М. Струкова *(Отдел изображений Российской государственной библиотеки. «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде». Л. 26)*

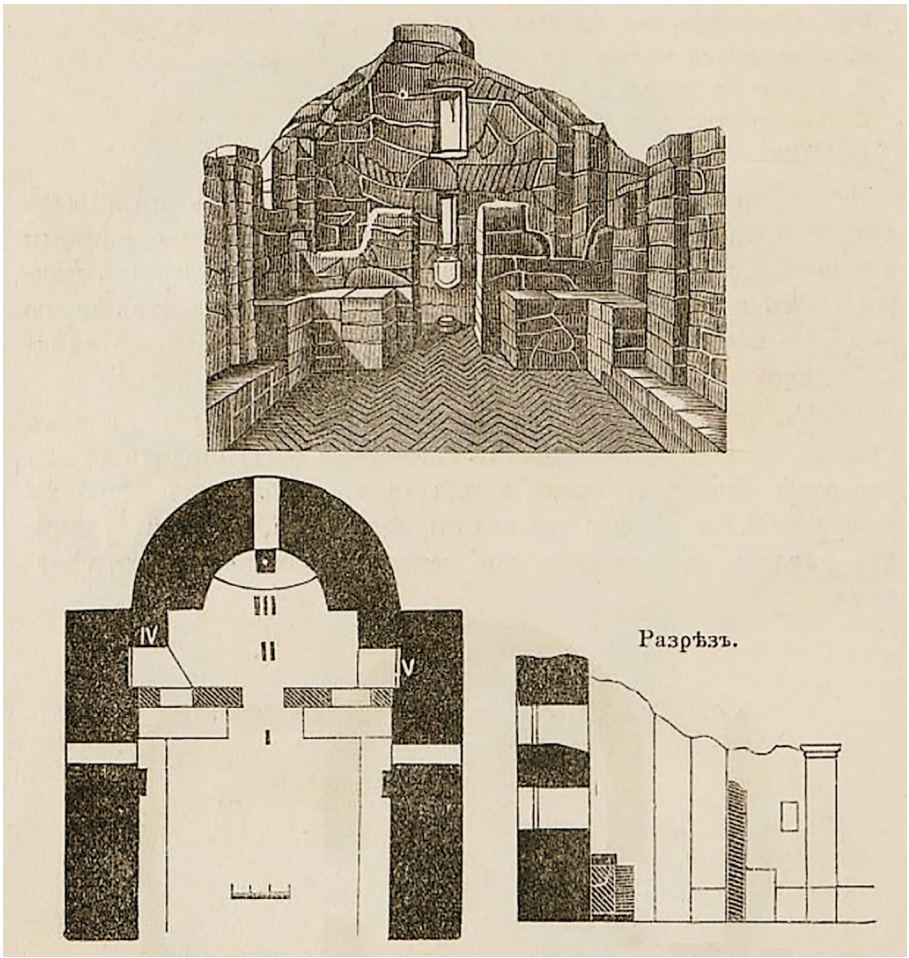

Рис. 14. Храм в Ай-Василь. Вид с запада, план и разрез (по: *Струков Д.* Древние памятники христианства... С. 34)

одинаковую величину, располагались рядами, друг с другом соединялись слегка заостренными посередине концами. Между ними находятся восьмилучевые звезды, составленные из ромбовидных плиток.

Н.И. Репников относит мраморную вымостку «к тому времени, когда на развалинах базилики возникла позднейшая часовня», хотя, вероятнее всего, она принадлежала первоначальному строению. Подобным образом исследователь датирует и сильно поврежденный каменный пол в остальной части среднего нефа, который, по его мнению, прежде имел мозаичное покрытие[27]. На самом деле, согласно материалам раскопок С.Б. Адаксиной и В.Л Мыца, настил основного помещения наоса предшествовал возведению упомянутой часовни и местами использовался той в качестве основания для стен, а значит, связан с базиликой. Он был выполнен из больших известняковых плит толщиной около 5–10 см, уложенных непосредственно на дневную поверхность строительного горизонта, которая отмечена тонкой (1,5–2,5 см) прослойкой красновато-коричневой глины с галечным песком, перекрывавшей выровненный материк. Одна плита относительно хорошо сохранилась внутри восточного прохода между центральным и южным нефами, что позволяет получить определенное представление о форме и величине изделия. Она имеет вид параллелограмма со сторонами протяженностью 84 и 117 см. Камень тщательно обработан. Примечательно, что подобные размеры и легкая кособокость лицевой грани характерны также для других плит, остатки которых найдены *in situ* в юго-восточной части помещения рядом со столпами. Ширина одной из них составляла 82 см. Швы между плитами в этом месте равны 1,2 и 7,5 см[28].

Субструкции как таковой мозаика не имела. Н.И. Репников сообщает: «Вымостка находится на материке и сооружена на сырцовой смазке, в которую втиснуты части, составляющие пол»[29]. Подобные сведения были получены и раскопками С.Б. Адаксиной и В.Л. Мыца: «Вымостка пола в галерее так же, как и в других частях базилики, лежит непосредственно на тщательно снивелированной материковой поверхности, покрытой тонким слоем глины»[30].

Согласно исследованию Л.Г. Хрушковой, мозаичные настилы партенитского храма близких аналогий не имеют[31]. Более того, само по себе уникальным является использование ими кристаллов полевого шпата, примеры чему пока неизвестны ни в Крыму, ни за его пределами. Выбор камня мастером был исключительно удачным и, надо полагать, осмыс-

[27] *Репников Н.* Партенитская базилика... С. 101, 103, 106. Рис. 31, 33.
[28] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 445. Рис. 5.
[29] *Репников Н.* Партенитская базилика... С. 101, 103.
[30] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 455.
[31] *Хрушкова Л.Г.* Базилика в Партенитах... С. 392.

ленным, поскольку наряду с красивым видом позволял создать ощущение чуда. А.Е. Ферсману принадлежит самое точное и, что не менее важно, поэтически восторженное описание этого минерала, вполне соотносимое с теми чувствами, которые могли испытывать верующие, оказавшись внутри базилики: «Посмотрел внимательно на него и больше не смог от него отвести своих глаз, — это был белый, едва синеватый камень, едва просвечивающий, едва прозрачный, но чистый и ровный, как хорошо выглаженная скатерть. По отдельным блестящим поверхностям раскалывался камень, и на этих гранях играл какой-то таинственный свет. Это были нежные синевато-зеленые, едва заметные переливы, только изредка вспыхивали они красноватым огоньком, но обычно сплошной загадочный лунный свет заливал весь камень, и шел этот свет откуда-то из глубины камня, — ну так, как горит синим светом Черное море в осенние вечера под Севастополем. Нежный рисунок камня из каких-то тонких полосочек пересекал его в нескольких направлениях, как бы налагая таинственную решетку на исходящие из глубин лучи»[32].

Что касается физических характеристик известкового шпата, то он, имея невысокую твердость и совершенную спайность, легко раскалывается на симметрические многогранники в виде наклонного параллелепипеда — ромбоэдры, форма которых была достаточно удобной для выкладки обширных поверхностей мозаики. Вместе с тем, умелое комбинирование различных по величине фрагментов камня позволяло обеспечить относительно плотное заполнение даже небольших клеток шахматного орнамента, хотя, безусловно, выложить без зазоров квадрат из параллелограммов практически невозможно, что местами привело к перекосу фигур, а иногда и самого узора. Причем последнему в немалой степени способствует также повышенная пластичность основания — элювия глинистых сланцев, переувлажнение которого (неизбежное при стихиях или в сильно поврежденных и руинированных постройках) обуславливает деформацию вымостки. Не менее сложную геометрическую задачу пришлось решать мастеру при соединении напольных покрытий среднего и южного нефов. Чтобы как можно лучше состыковать крупные куски кальцита с известняковыми плитами, он просто-напросто аккуратно обломал сильно выступавшие края отдельных кристаллов по одной линии[33].

В двух местах базилики значительные участки пола были полностью вымощены только полевым шпатом. Один из них находился внутри алтарного полукружия, сохранился фрагментарно и к настоящему времени полностью утрачен. По мнению Н.И. Репникова, он принадлежал часовне[34]. Л.Г. Хрушкова считает возможным соотнести его с первоначальным

---

[32] *Ферсман А.Е.* Воспоминания о камне. М.: Молодая гвардия, 1953. С. 45–46.
[33] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 448.
[34] *Репников Н.* Партенитская базилика... С. 106. Рис. 33.

строением[35]. Вместе с тем, вероятность позднего появления этой вымостки достаточно велика, поскольку повторное использование кристаллов кальцита при ремонте напольного покрытия храма наблюдается везде. Наиболее показателен пример южного нефа, настил в западной половине которого состоит исключительно из разновеликих кусков полевого шпата, не только равномерно и плотно заполнивших всю поверхность, но очень органично заместивших собой предшествовавшую им декоративную сетку из мелкой плинфы[36]. В нескольких местах церкви для восстановления поврежденных и утраченных участков мозаик отмечено применение крупных плит известняка и мрамора, различного рода сполий, в частности, строительной надписи 1427 г., а также уцелевших керамических и каменных деталей от первоначального пола, возможно, перемещенных из соседних компартиментов[37].

В результате археологического изучения Партенитской базилики, осуществленного С.Б. Адаксиной и В.Л. Мыцом в 1998–2001 гг., установлено, что здание было возведено в последней трети X в., причем никаких других, более древних, храмов на этом месте не обнаружено, в том числе и пресловутого монастырского, якобы воздвигнутого и благоустроенного во второй половине VIII в. Святым Иоанном Готским[38]. Полученный таким образом *terminus post quem* мозаики полностью исключает вероятность ее раннесредневековой даты, на которой упорно настаивает Л.Г. Хрушкова[39], следуя историографической традиции и основываясь исключительно на стилевых признаках напольного декора. Что касается последних, то даже сама исследовательница вынуждена признать их малую эффективность: «Для периода VII–IX вв. надежно датированных памятников нет», — тогда как достаточно узкие хронологические рамки события, полученные посредством раскопок, убедительно подтверждаются стратиграфией и нумизматическим материалом. Здание базилики, разрушенное на рубеже X–XI вв. землетрясением, было восстановлено лишь в 1427 г. и сопровождалось капитальным ремонтом первоначальных полов. После появления в XVI в. часовни, продолжает использоваться только приведенная в порядок каменная вымостка среднего нефа.

Третья южнобережная мозаика принадлежала неизвестной церковной постройке, которая находилась в Ялте на Поликуровском холме. Место, где она была обнаружена, в свое время занимал собор Святого Иоанна

---

[35] *Хрушкова Л.Г.* Полы opus sectile... С. 45.

[36] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 448.

[37] *Репников Н.* Партенитская базилика... С. 101–103; *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 445–446. Рис. 5.

[38] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 402–403, 437, 502.

[39] *Хрушкова Л.Г.* Полы opus sectile... С. 45–48. Ил. 11; *Она же.* Базилика в Партенитах... С. 385–388, 390–391, 392.

Златоуста, возведенный в 1837 г. по проекту архитектора Г.И. Торичелли[40]. Л.В. Фирсов сообщает: «Сейчас от него осталась одна колокольня, а в слое наносов на небольшой площадке возле колокольни открыты остатки мозаичного пола, основания стен и апсиды». Поскольку строение имело ориентацию на север-северо-восток, необычную для христианских церквей XIX – начала XX в., он счел возможным трактовать кладки как средневековые и даже соотнести их с базиликой Джалиты, хотя та, согласно иконографическим источникам и воспоминаниям очевидцев, располагалась гораздо ниже и дальше, на оконечности мыса[41]. Н.П. Турова немного переиначила сведения Л.В. Фирсова, добавив от себя информацию относительно обстоятельств находки: «Имеются сведения, что при строительстве собора Иоанна Златоуста в начале XIX в. были обнаружены остатки древнего храма: мозаичный пол, основания стен и апсида». Само событие она сопоставила с выявлением в 1840 г. (т. е. после освящения собора, одновременно ею приведены и другие даты: в 1850 г., в пятидесятые годы) неподалеку от этого места, рядом с домом Беймана, руин «небольшого древнего храма»[42]. Отсутствие достоверных данных не исключает вероятности того, что напольное покрытие, о котором вскользь упоминает Л.В. Фирсов, на самом деле украшало интерьер главной церкви города, возведенной уже в новое время и впоследствии, до разрушения в 1942 г., неоднократно перестраивавшейся.

В определенной степени мозаичными могут считаться вымостки с незатейливым геометрическим узором, выполненные из одинаковой плинфы. Судя по материалам раскопок, прежде всего печей, на Южном побережье Крыма было налажено собственное производство различного рода строительных изделий из хорошо обожженной глины, среди которых наряду с квадратными и прямоугольными особо выделяются фигурные плитки в виде равносторонних пяти и шестиугольников с немного скошенными боковыми гранями, явно предназначавшимися для облицовки напольных поверхностей[43]. Ассортимент специальной гончарной продукции дополняют единичные находки фасонных деталей, верхние плоскости которых имели форму, в одном случае, четверти круга (размеры исследователями не сообщаются), в другом — нескольких правильных

---

[40] *Чумазин Е.В., Иванов Ю.М.* Храмы Ялты. Краткий справочник. Ялта, 1998. С. 40–41.

[41] *Фирсов Л.В.* Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. С. 195–196.

[42] *Турова Н.* Византийские храмы Южного берега Крыма в границах муниципального образования городской округ Ялта РК. Каталог-справочник. Симферополь: Н.Оріанда, 2023. С. 112–113.

[43] *Паршина Е.А.* Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56–94 (здесь: С. 92. Рис. 3: 11–16, 35).

четырехконечных звезд с вогнутыми сторонами разной величины (5,5 × 5,5 см, 9 × 9 см и 9,5 × 9,5 см), обычно используемых в комбинированных покрытиях типа *opus sectile*. Они получены в переотложенном состоянии при разборке каменных завалов внутри разрушенных строений, соответственно, церквей Панеа X–XV вв.[44] и Большого дома Ласпи, датируемого X–XI вв.[45] Чисто керамические настилы известны в декоративном убранстве по меньшей мере двух храмов: ялтинского в с. Ай-Василь и биюк-ламбатского на г. Ай-Тодор.

В первом из них пол был «кирпичный, кладенный на ребро по рисунку» в виде паркетной елочки[46]. Он равномерно покрывал наос и алтарную площадку (Рис. 14). Храм однонефный с полукруглой апсидой и большим нартексом завершался сводом на подпружных арках, поддерживаемых пилястрами. Статус церковного строения неясен. Необычная архитектоника и выверенные пропорции здания, а также соотносимые с ним находки предполагают его неординарность. Храм датируется в пределах X(?)–XV вв., возможно, был возведен в 20–30-е годы XIV в.[47], причем само напольное покрытие могло появиться гораздо позднее.

Вторая керамическая вымостка принадлежала монастырской церкви XIV–XV вв. — небольшой однонефной постройке с полукруглой апсидой[48]. Известно, что в 1901 г. местный кладоискатель расчистил среднюю часть наоса, в результате чего «обнаружился устланный квадратными кирпичами пол»[49]. В 1969 г. храм изучался Е.А. Паршиной, которой внутри церкви и пристройках к ней удалось найти целые и фрагментированные плинфы. Судя по отчету о раскопках, находки происходят из завала камней. Вместе с тем, при их публикации исследовательница

---

[44] *Паршина Е.А.* Разведки на скале Панеа... Л. 12.

[45] *Паршина Е.А.* Отчет о работе в урочище Ласпи в 1977 году Южно-Крымской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР / Научный архив ИАК РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 476. Л. 10. Черт. 24.

[46] *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. Москва: Университетская типография, 1876. С. 34; *Удоденко А.* «Последняя из многочисленных древних церквей»: судьба Ай-Васильского храма // Старая Ялта. 2017. № 4. С. 16–20 (здесь: С. 17).

[47] *Бочаров С.Г., Кирилко В.П.* Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. Вып. 32. Силистра: Регионален исторически музей, 2017. С. 278–304 (здесь: С. 288); *Кирилко В.П.* Архитектурные миграции средневекового Крыма: однонефные храмы южнобережной части полуострова // STRATUM plus. 2020. № 6. С. 129–152 (здесь: С. 133); *Турова Н.* Византийские храмы... С. 133–137; Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE^3). V 232. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html (дата обращения: 08.09.2024).

[48] *Бочаров С.Г., Кирилко В.П.* Средневековые церкви... С. 297–298.

[49] Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. 1902. Вып. 32–33. С. 139–161 (здесь: С. 154).

указала, что они выявлены *in situ*, правда, не конкретизируя, где точно. Е.А. Паршина считает: «Вероятно, плинфой был выложен пол храма (частично или полностью — трудно сказать, т. к. около Ю-З стены найдены две каменные плиты, также возможно от вымостки пола)». Размеры уцелевших плинф: 18 × 18 см, 18 × 19,5 см, 19 × 20 см, 18 × 37 (36,5) см. Толщина изделий — примерно 3 см[50].

Помимо Ай-Тодорского храма Е.А. Паршина бегло упоминает еще одну постройку с настилом из плинф — небольшую церковь XIII–XIV вв. на г. Хачла-Каясы близ Верхней Ореанды[51], причем утверждает, что «они найдены *in situ*»[52]. Вероятнее всего, опубликованное свидетельство является ошибочным, поскольку в отчете о раскопках ею же сообщаются совершенно иные результаты археологического изучения строения: «Местами сохранилась песчаниковая вымостка пола». Более того, исследовательнице удалось обнаружить лишь фрагменты керамических плиток, да и те соотнесены с завалом здания[53].

Добротность интерьеру отдельных южнобережных церквей придавали сплошные напольные покрытия, выполненные из больших чисто тесанных каменных плит правильной прямоугольной формы, относительно плотно пригнанных друг к другу. Наряду с известняком, применение которого демонстрирует средний неф Партенитской базилики, известно также использование белого мрамора, ярким примером чему является второй храм Панеа, сменивший первоначальное строение с мозаичным настилом (Рис. 1–4, 15). По сравнению со своим предшественником новое здание было гораздо крупнее и, в частности, отличалось полукруглыми снаружи очертаниями апсиды. Церковь датирована X–XIII вв.[54] Точные размеры плит и характер обработки их поверхностей неизвестны. Исследователи памятника обратили внимание лишь на технологические особенности сооружения: «Субструкция мраморного пола состояла из черепиц, плинфы (иногда крупных размеров) и раствора. Раствор сильно пристал к мозаике».

---

[50] См.: *Паршина Е.А.* Отчет о раскопках на г. Ай-Тодор у поселка Малый Маяк в 1969 году // Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г. Симферополь, 1970 / Научный архив ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 911. Л. 282–300 (здесь: Л. 290–291); *Паршина О.О.* Середньовічне укріплення на горі Ай-Тодор // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. / Відп. ред. В.Є. Максимов. Вип. 4. Київ: Наукова думка, 1972. С. 253–257 (здесь: С. 254–256); *Паршина Е.А.* Средневековая керамика... С. 92. Рис. 35: 1–3.

[51] *Фирсов Л.В.* Исары... С. 246–250; *Бочаров С.Г.*, *Кирилко В.П.* Средневековые церкви... С. 285–286; *Турова Н.* Византийские храмы... С. 178–187.

[52] *Паршина Е.А.* Средневековая керамика... С. 92.

[53] *Паршина Е.А.* Раскопки на горе Хачла-Каясы в 1967 г. // Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г. Симферополь, 1970 / Научный архив ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 911. Л. 141–144 (здесь: Л. 142, 143).

[54] *Кирилко В.П.* Храмы Панеа... С. 137–139. Рис. 1.

В слое отмечено также наличие фрагментов «поливной керамики с прорезным орнаментом»[55]. Примечательно, что после разрушения второго храма и возведение на его месте очередного церковного здания, датируемого XIV–XV вв., поврежденная пожаром и фрагментарно уцелевшая мраморная вымостка не только стала основанием для стен последнего, но продолжила использоваться дальше по своему прямому назначению (Рис. 2–3)[56].

Среди каменных полов, принадлежавших южнобережным храмам, преобладали настилы из необработанных плоских обломков известняка, песчаника либо диабазов разной величины и формы[57]. Причем те из них, что более или менее сохранились, представлены лишь единичными примерами. Показательными являются вымостки двух небольших однонефных церквей — монастырской X–XVI вв. у аю-дагской бухты Панаир[58] и обычной сельской того же времени в Ласпи (Рис. 16)[59]. Они довольно поздние, относятся к последнему этапу существования строений. В обоих случаях плиты хорошо подобраны и ровно выставлены, подстилаются отложениями культурного слоя. Пустоты между камнями заполнены грунтом. Несколько иначе был выполнен пол базилики XIV в. в цитадели Алустона, который уцелел во входной части главного нефа на площади около 12 кв. м. В мощении применялся необработанный бут разной величины и формы. Камень уложен плотно вровень с кладками более ранней, находившейся здесь прежде, постройки, органично включенными в настил. Швы заполнены грунтом с повышенным содержанием мелкой гальки[60].

Существование остальных подобных полов, в большинстве своем сейчас утраченных, зачастую просто предполагается, в лучшем случае, на основании фрагментарно сохранившихся участков вымостки, в худшем — судя по наличию в слое разрушения обломков камня соответствующей фор-

---

[55] *Паршина Е.А.* Разведки на скале Панеа... Л. 8, 15, 15об.

[56] Там же. Л. 4об–5. Черт. II; *Кирилко В.П.* Храмы Панеа... С. 137–138. Рис. 1.

[57] *Фирсов Л.В.* Исары... С. 229, 247, 403; *Лысенко А.В., Тесленко И.Б.* Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней / Сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Киев: Стилос, 2002. С. 59–88 (здесь: С. 82).

[58] *Адаксина С.Б.* Монастырский комплекс X–XVI веков на горе Аю-Даг. [Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. 1]. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2002. С. 9, 13, 21. Рис. 5, 11, 22.

[59] *Паршина Е.А.* Отчет о работе в урочище Ласпи в 1976 году Южно-Крымской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР / Научный архив ИАК РАН. Ф-1. Оп. 1.Д. 475. Л. 5. Фото 21, 22, 25–28.

[60] *Кирилко В.П.* Главный храм Средневековой Алушты // Проф. д-р Борис Д.Борисов: ученици и приятели / Съст. и гл. ред. Б.Д. Борисов. [ВТУ «Св. Св. Кирил и Методий» и Българската археология. Т. 2]. Велико Търново: ИВИС, 2016. С. 751–766 (здесь: С. 757, 760. Рис. 4).

Рис. 15. Панеа. Мраморный пол храма. Вид с юго-востока. 1970 г. (*Фотоматериалы работ в Симеизе. Храм Панеа / НА ИАК РАН. Ф-13. Оп. 3. Д. 5. Л. 133)*

Рис. 16. Ласпи. Каменная вымостка в храме на северо-западном склоне г. Мачук. Общий вид с юго-запада. 1977 г. (по: *Паршина Е.А.* Отчет о работе... Рис. 20)

мы, пригодной для этой цели[61]. В качестве напольного покрытия нередко использовались различного рода подсыпки, обычно глинистые и щебенистые, посредством которых выравнивалось основание либо уплотнялась дневная поверхность внутри здания[62]. Причем они известны в постройках с разной архитектоникой и предназначением, как в малых однонефных церквах, так и в монументальных храмах. Показателен пример неоднократно перестраивавшейся в X–XIV вв. базилики Алустона. Одновременно с бутовым настилом наоса она имела земляной пол в апсиде. Алтарная площадка только по внешнему краю была обрамлена камнем, который уложен насухо вперемежку с грунтом, вровень с остатками кладок более раннего строения, ею перекрытого. Для скрепления лицевой кромки и выравнивания поверхности швы конструкции снаружи заполнены известковым раствором[63].

Многие небольшие храмы могли вообще не иметь специальных настилов, а изначально довольствовались более или менее тщательно выровненной поверхностью материка и только со временем приобретали грунтовое или иное покрытие, нередко в результате постепенного накопления культурного слоя[64]. Подобные метаморфозы наглядно демонстрирует пример

---

[61] См.: *Пятышева Н.В.* Отчет о раскопках в Алуште в 1950 г. / НАО МЗ ХТ. Ф. 1. Д. № 2541. Л. 87–88; *Когонашвили К.К., Махнева О.А.* Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 111–123 (здесь: С. 121); *Айбабина Е.А.* Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов) / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 194–205 (здесь: С. 197); *Бочаров С.Г.* Средневековый массандровский «Храм 1894 года». Один эпизод научной деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинича // Церковная археология Южной Руси (сборник материалов Международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия». Севастополь, 2001 г. / Отв. ред. В.Л. Мыц. Симферополь: КФ ИА НАНУ, 2002. С. 161–166 (здесь: С. 161); *Кирилко В.П.* Фунская часовня № 1 // Древняя и средневековая Таврика // Отв. ред. Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский. [Археологический альманах. № 22]. Донецк: Донбасс, 2010. С. 311–322 (здесь: С. 314).

[62] *Фирсов Л.В.* Исары... С. 386–387, 401, 414. Рис. 148; *Мыц В.Л.* Средневековое укрепление Исар-Кая // Советская археология. 1987. № 2. С. 228–245 (здесь: С. 231. Рис. 3); *Новиченкова Н.Г.* Скит на Гурзуфском седле // Христианство на Южном берегу Крыма. Материалы Крымской научно-практической конференции (24 ноября 2000 г.) / Отв. ред. А.В. Глузман. Ялта: РИО КГГИ, 2002. С. 10–13 (здесь: С. 11).

[63] *Кирилко В.П.* Главный храм... С. 758. Рис. 4.

[64] См.: *Лысенко А.В., Тесленко И.Б.* Античные и средневековые памятники... С. 79; *Тесленко И.Б., Семин С.В., Лысенко А.В.* Раскопки храма XIV–XVI вв. на северо-восточном склоне г. Аю-Даг // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии / Ред.-сост. В.Ю. Юрочкин. Киев: Стилос, 2002. С. 169–171 (здесь: С. 169); *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена) / Гл. ред. В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2004. С. 260–296 (здесь: С. 260–261).

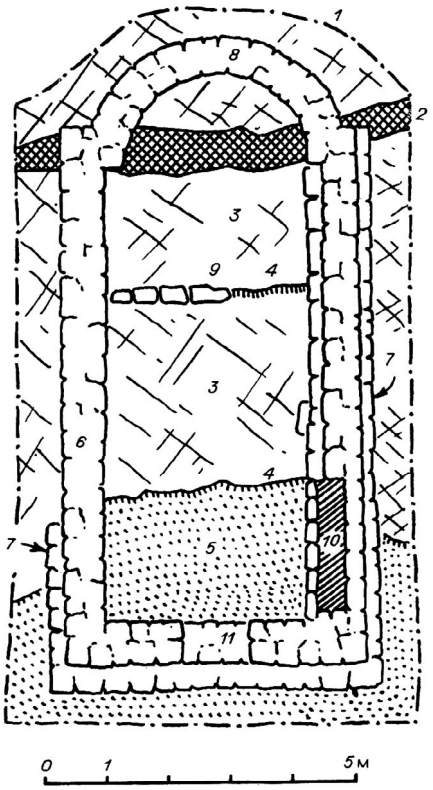

Рис. 17. Церковь на вершине Ильяс-Кая. План. *1966 г.:*
1 — контур раскопа;
2 — расселина в скале (была до постройки базилики);
3 — скальная поверхность известняков — пол;
4 — невысокие уступы;
5 — щебенистая подмостка в понижении скального рельефа;
6 — стены;
7 — выступы фундамента;
8 — апсида;
9 — остатки предалтарной преграды;
10 — ниша в стене с 13 костяками;
11 — вход
(по: *Фирсов Л.В.* Исары... Рис. 148)

Рис. 18. Пол наоса и алтарная площадка храма в демерджинской Долине Привидений. Вид с северо-запада. 2020 г. *Снимок автора*

церкви в урочище Еди-Евлер, датируемой второй половиной IX – первой половиной X в.[65] Ее стены фундамента как такового не имели. Практически везде они поставлены на дно строительного котлована, которое одновременно является первым полом постройки. Выемка под здание выполнена в материковых суглинках с локальными обнажениями аргиллитов, заглублена на 0,15–0,20 м. Поверхность основания была относительно ровной, в восточной части оставлен уступ высотой 0,13–0,18 м под алтарную площадку. Появление нескольких слоев грунтового покрытия обусловлено главным образом ремонтами.

Иногда в качестве пола используется скальная поверхность строительного горизонта, причем не всегда цельная (Рис. 17), как в случае с монастырским храмом IX–X вв. на г. Ильяс-Кая[66]. Церковь однонефная с полукруглой апсидой, по сравнению с другими подобными ей постройками выделяется удлиненными формами главного объема. Основание здания, сохранившее свой вид внутри сооружения, было известняковым покатым с расселиной под апсидой и щебенистыми напластованиями в передней, пониженной, части склона. Необычной архитектоникой выделяется храм, располагавшийся на вершине небольшого останца конгломерата в демерджинской Долине Привидений[67]. Здание было однонефным с прямоугольным в плане наосом и пятигранной снаружи апсидой. Постройка имела монолитный пол (Рис. 18), при этом алтарная площадка была вырублена одновременно с ним. Подготовка основания к возведению церкви сопровождалась появлением на поверхности скалы многочисленных лунок от гальки, потревоженной и выпавшей при разрушении структурных связей породы в результате физического воздействия на камень.

К числу редких принадлежит деревянный пол двухэтажного храма Фунского замка, построенного в 1459 г. — пожалуй, единственный случай, отмеченный в регионе и, более того, достоверно подтверждаемый иконографическими источниками[68]. Строение само по себе является

---

[65] См.: *Кирилко В.П.* Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы / Ред.-сост. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин. [Археологический альманах. № 32]. Киев: ИД «Антиквар», 2015. С. 17–62 (здесь: С. 21. Рис. 1.1–1.4, 1.62–1.69); *Тесленко И.Б.* Стратиграфия и характеристика культурных отложений // Там же. С. 63–116 (С. 82–93. Рис. 2.1, 2.24–2.36).

[66] *Бочаров С.Г., Кирилко В.П.* Средневековые церкви... С. 280–282; *Фирсов Л.В.* Исары... С. 414. Рис. 148.

[67] *Кирилко В.П.* Новые данные о верхнем храме в Демерджинской Долине Привидений // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский Семинар (Севастополь–Балаклава, 29 мая – 3 июня 2021 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: АРИАЛ, 2021. С. 155–162 (здесь: С. 155–156. Рис. 4–5).

[68] *Кирилко В.П.* Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев: Стилос, 2005. С. 166–167. Рис. 15–17, 26.

Рис. 19. Интерьер алтарной части в надвратной церкви Фунского замка. Вид с запада. 1911 г. (по: *Кирилко В.П.* Крепостной ансамбль Фуны... Рис. 26)

уникальным. Церковь находится на месте первоначальных крепостных ворот и полукруглой въездной башни, органично используя их руины в качестве основания для новых стен. Ее наос в плане прямоугольный с двумя большими боковыми нишами, форма которых имитирует аркады базилик, что позволило визуально расширить внутреннее пространство постройки и придать его конфигурации вид уплощенного креста. Пол представлял собой сплошной дощатый настил, поддерживаемый балками межэтажного перекрытия (Рис. 19), причем проезд в нижней части здания был грунтовым с уклоном в напольную сторону.

Подводя итоги исследованию, можно сделать следующие выводы. В церковном зодчестве Южнобережного Крыма представлены все основные виды полов, которые известны в других регионах полуострова и за его пределами. Они являются характерными для интерьеров местных храмов, датируемых X–XV вв. Неординарность отдельных из них во многом обуславливалась геологическим строением территории, позволявшим ощутимо разнообразить сырьевую базу напольных покрытий и определявшим структуру основания, равно как архитектоникой самих зданий, также оказывавшей влияние на выбор мастера. Оба мозаичных настила по праву могут считаться уникальными произведениями декоративного искусства.

References

Adaksina, S.B. “Monastyrskii kompleks X–XVI vekov na gore Ayu-Dag [Monastic Complex from the 10th to 16th Centuries on Mount Ayu-Dag].” In *Materialy Yuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ehkspeditsii*. Issue 1. Saint-Petersburg, 2002 (in Russian).

Adaksina, S.B., and Myts, V.L. “Partenitskaia bazilika v X–XI vv. (pervyi etap sushchestvovaniia pam’atnika) [Parthenite Basilica in the 10th–11th Centuries (The First Stage of the Monument’s Existence)].” *Khristianskii vostok* 6 (2013). P. 405–433 (in Russian).

Aibabina, E.A. “Dvukhapsidnyi khram bliz kreposti Funa [Two-Apse Temple near the Fortress of Funa].” In *Vizantiiskaia Tavrika: Sbornik nauchnykh trudov (k XVIII kongressu vizantinistov)*, ed. by P.P. Tolochko. Kiev, 1991. P. 194–205 (in Russian).

Bocharov, S.G. “Srednevekovyi massandrovskii «Khram 1894 goda». Odin epizod nauchnoi deiatel’nosti K.K. Koscyushko-Valyuzhinicha [The Medieval Massandra “Temple of 1894”. One Episode of the Scientific Activity of K.K. Kostsyushko-Valyuzhinikh].” In *Tserkovnaia arkheologiia Yuzhnoi Rusi (sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferentsii «Tserkovnaia arkheologiia: problemy, poiski, otkrytiia». Sevastopol’, 2001 g.*, ed. by V.L. Myts. Simferopol, 2002. P. 161–166 (in Russian).

Bocharov, S.G., Kirilko, V.P. “Mediaeval Churches of the South Bank of Crimea (Materials to the Archaeological Map).” *Dobrudzha* 32 (2017). P. 279–304 (in Russian).

Chumazin, E.V., and Ivanov, Iu.M. *Khramy Yalty. Kratkii spravochnik [Churches of Yalta. A Short Guide]*. Yalta, 1998 (in Russian).

Dombrovskii, O.I. "Iz arheologicheskikh issledovanii na Iuzhnom beregu Kryma (1965–1966 gg.) [From Archaeological Research on the Southern Coast of Crimea (1965–1966)]." In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1965–1966 gg.*, ed. by P.P. Tolochko. Issue 1. Kiev, 1967. P. 180–183 (in Russian).

Dombrovskii, O.I. "Srednevekovye poseleniia i «Isary» Krymskogo Iuzhnoberezh'ia [Medieval Settlements and "Hissars" of the Crimean South Coast]." In *Feodal'naia Tavrika*, ed. by S.N. Bibikov. Kiev, 1974. P. 5–55 (in Russian).

Dombrovskii, O.I. "Vizantiiskie mozaiki Khersonesa Tavricheskogo [Byzantine Mosaics of Tauric Chersonesos]." In *Architektura wczesnobizantyjskich budowli sakralnych Chersonezu Taurydzkiego*, ed. by A.B. Bernatzky, V.A. Kutaisov. Vol. 3. Poznań, 2004 (in Russian).

Fersman, A.E. *Vospominaniia o kamne [Memories of Stone]*. Moscow, 1953 (in Russian).

Firsov, L.V. *Isary: Ocherki istorii srednevekovykh krepostei Iuzhnogo berega Kryma [Hissars: Essays on the History of Medieval Fortresses of the Southern Coast of Crimea]*. Novosibirsk, 1990 (in Russian).

Khrushkova, L.G. "Bazilika v Partenitakh (Iuzhnyi Krym): mog li byt' v nei pokhoronen episkop Ioann Gotskii? [Basilica in Parthenites (Southern Crimea): Could Bishop John of Gothia have been buried there?]." In *Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii «Tserkovnaia arkheologiia: Khersones – gorod sv'atogo Klimenta» (Sevastopol, 2011 g.)*, ed. by T.Yu. Yashaeva. Sevastopol, 2013. P. 384–408 (in Russian).

Khrushkova, L.G. "Poly opus sectile v Vostochnom Prichernomor'ie, Krymu, Kieve: vizantiiskii kontekst [*Opus sectile* Floors in the Eastern Black Sea Region, Crimea, Kiev: The Byzantine Context]." *Trudy Gosudarstvennogo Ehrmitazha* 65 (2012). P. 34–59 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Arkhitekturno-konstruktivnye osobennosti i stroitel'naia periodizatsiia khrama [Architectural and Structural Features and Construction Periods of the Temple]." In *Drevnosti Semidvor'ia I. Srednevekovyi dvukhapsidnyi khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy*, ed. by I.B. Teslenko, A.E. Musin. [Arkheologicheskii al'manakh. Issue 32]. Kiev, 2015. P. 17–62 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Arkhitekturnye migratsii srednevekovogo Kryma: odnonefnye khramy iuzhnoberezhnoi chasti poluostrova [Architectural Migrations of Medieval Crimea: Single-Nave Churches of the Southern Coastal Part of the Peninsula]." *Stratum plus* 6 (2020). P. 129–152 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Arkhitektura, mozaiki ta monumental'nii zhivopis [Architecture, Mosaics and Monumental Painting]." In *Istoriia ukraiins'koi kul'turi: V 5 t.*, ed. by P.P. Tolochko. Vol. 1. Kiev, 2001. P. 1078–1099 (in Ukrainian).

Kirilko, V.P. "Baziliki Iuzhnoberezhnogo Kryma [Basilica of the South Coast of Crimea]." In *Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh*

istochnikakh: Materialy KH Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po tserkovnoi arkheologii, posv'ashchennoi 160-letiiu D.V. Ainalova, ed. by V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Yu. Iashaeva. Simferopol, 2022. P. 134–137 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Funskaia chasovn'a № 1 [The Chapel of Funa, No 1]." In *Drevn'aia i srednevekovaia Tavrika*, ed. by Iu.P. Zaitsev, A.E. Puzdrovskii. [Arkheologicheskii al'manakh. Issue 22]. Donetsk, 2010. P. 311–322 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Khramy Panea [Churches of Panea]." In *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XVI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar (Sevastopol, 24–28 maya 2024 g.). Materialy nauchnoi konferentsii*, ed. by N.A. Alekseenko. Simferopol, 2024. P. 137–144 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Novye dannye o verkhnem khrame v Demerdzhinskoi Doline Prividenii [New Data on the Upper Temple in the Demerdzhin Valley of Ghosts]." In *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar (Sevastopol – Balaklava, 29 maia – 3 iiunya 2021 g.). Materialy nauchnoi konferentsii*, ed. by N.A. Alekseenko. Simferopol, 2021. P. 155–162 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Poly srednevekovykh khramov Iuzhnoberezhnogo Kryma [Floors of Medieval Churches of the South Coast of Crimea]." In *Byzantinotaurica IV: Krym i Severnoe Prichernomor'ie v sisteme mirovykh tsivilizatsii. Tezisy dokladov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Sevastopol, 14–18 okt'abr'ia 2024 g.*, ed. by S.P. Karpov, M.V. Gratsianskiy, S.G. Bocharov. Simferopol, 2024. P. 81–85 (in Russian).

Kirpil'ov, K.S. "Sravnitel'nyi analiz malykh odnonefnykh khramov Khersona i iuzhnoberezhnoi Tavriki X–XV vv. [Comparative Analysis of Small Single-Nave Churches of Kherson and South Coast Taurica of the 10th–15th Centuries.]." In *IV Sv'ato-Vladimirskie chteniia: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posv'ashchennoi 1035-letiiu Kreshcheniia Rusi*, ed. by V.V. Maiko, E.A. Khairedinova, T.Yu. Yashaeva. Simferopol, 2023. P. 65–67 (in Russian).

Kogonashvili, K.K., and Makhneva, O.A. "Srednevekovaia Funa [The Medieval Funa]." In *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*, ed. by S.N. Bibikov. Kiev, 1974. P. 111–123 (in Russian).

Losits'kii, Iu.G. "Do pitannya tipologichnoi evolyutsii monumental'noi arkhitekturi seredn'ovichnogo Krimu [The Issue of the Typological Evolution of the Monumental Architecture of the Medieval Crimea]." *Arkheologiia* 2 (1990). P. 33–47 (in Russian).

Myts, V.L. "Srednevekovoe ukreplenie Isar-Kaia [Medieval Fortification Isar-Kaia]." *Sovetskaia arkheologiia* 2 (1987). P. 228–245 (in Russian).

Novichenkova, N.G. "Skit na Gurzufskom sedle [Skete on the Gurzuf saddle]." In *Khristianstvo na Iuzhnom beregu Kryma. Materialy Krymskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (24 noiabr'ia 2000 g.)*, ed. by A.V. Gluzman. Yalta, 2002. P. 10–13 (in Russian).

Parshina, E.A. "Srednevekovaia keramika Iuzhnoi Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965–1969 gg.) [Medieval Ceramics of Southern Taurica (Based on Excavations and Explorations in 1965–1969)]." In *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*, ed. by S.N. Bibikov. Kiev, 1974. P. 56–94 (in Russian).

Parshina, O.O. "Seredn'ovichne ukriplenn'a na gori Ai-Todor [A Medieval Frotification on the Ai-Todor Mountain]." In *Arkheologichni doslidzhenn'a na Ukraini v 1969 r.*, ed. by V.E. Maksimov. Issue 6. Kiev, 1972. P. 253–257 (in Ukrainian).

Teslenko, I.B. "Stratigrafiia i kharakteristika kul'turnykh otlozhenii [Stratigraphy and Characteristics of Cultural Deposits]." In *Drevnosti Semidvor'ia I. Srednevekovyi dvukhapsidnyi khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy*, ed. by I.B. Teslenko, A.E. Musin. [Arkheologicheskii al'manakh. Issue 32]. Kiev, 2015. P. 63–116 (in Russian).

Teslenko, I.B., and Lysenko, A.V. "Srednevekovyi khristianskii khram na iuzhnoi okraine s. Malyi Maiak i ego arkheologicheskoe okruzhenie [Medieval Christian Church on the Southern Outskirts of the Village of Maly Mayak and Its Archaeological Surroundings]." In *«O drevnostyakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh»: Sbornik nauchykh trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letiia so dn'a rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena)*, ed. by V.L. Myts. Kiev, 2004. P. 260–296 (in Russian).

Teslenko, I.B., Semin, S.V., and Lysenko, A.V. "Raskopki khrama XIV–XVI vv. na severo-vostochnom sklone g. Ayu-Dag [Excavations of a Temple of the 14th–16th Centuries on the North-Eastern Slope of Mount Ayu-Dag]." In *Pravoslavnye drevnosti Tavriki: Sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii*, ed. by V.Iu. Iurochkin. Kiev, 2002. P. 169–171 (in Russian).

Turova, N.P. *Vizantiiskie khramy Iuzhnogo berega Kryma [Byzantine Churches of the Southern Coast of Crimea]*. Simferopol, 2023 (in Russian).

Udodenko, A. ""Posledn'aia iz mnogochislennykh drevnikh tserkvei": sud'ba Ai-Vasil'skogo khrama ["The Last of Many Ancient Churches": The Fate of the Ai-Vasil Temple]." *Staraia Ialta* 4 (2017). P. 16–20 (in Russian).

Yakobson, A.L. *Rannesrednevekovyi Khersones [Early Medieval Chersonesos]*. [Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. Issue 63]. Moscow; Leningrad, 1959 (in Russian).

Знак информационной продукции **16+**

Научное издание

BYZANTINOTAURICA

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 2

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

«Н.Оріанда»™
ИП Пинчук А.В. 23 №008849391 от 15.11.2014 г.

Подписано к печати с оригинал-макета 24.09.2024. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 300 экз. Заказ № .

«Н.Оріанда»™ 295051, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, а/я 13
Тел.: 8 (800) 505-15-19, 8 (3652) 60-49-19
E-mail: n-orianda@mail.ru; https://n-orianda.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфическом оборудовании ООО «Форма».
295034, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Кирова, д. 34, оф. 13.
Тел.: +7 (978) 725-35-78; Formacrimea@gmail.com

BYZANTINOTAURICA

2

ЖУРНАЛ
ВИЗАНТИЙСКИХ
И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ